

Литературно-художественное издание

Лариса Агафонова

СЧАСТЛИВОЙ БЫТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ

Женский психологический роман

*Книга выпущена по программе
«НОВЫЕ ИМЕНА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»*

Новокузнецк
Издательство «Союз писателей»
2017

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)
А23

Агафонова Л. Е.

А23 Счастливой быть не запретишь: Женский психологический роман. – Новокузнецк, Издательство «Союз писателей», 2017. – 200 с.

ISBN: 978-5-00073-607-4

Директор программы: *Ирина Суховейко*

Верстка: *Марина Дьяченко*

Обложка: *Алиса Дьяченко*

Редактор-корректор: *Елена Гурьева*

Рецензент: *Екатерина Кузнецова*

Литературное агентство «Новые имена»

<http://litagentstvo.ru>

Телефон: +7 (3843) 77-77-78

654007, г. Новокузнецк, пр. Ермакова, 11, оф. 9

E-mail: litagent@soyuz-pisatelei.ru

Знак информационной продукции

(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+

Подписано в печать 16.06.2017. Формат А5. Бумага офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ №5322. Гарнитура «Times New Roman».

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей»

654007, г. Новокузнецк, пр. Ермакова, 11, оф. 9

Тел.: +7 (3843) 77-77-78, +7 913-429-2503

E-mail: izdat@soyuz-pisatelei.ru

Сайт: www.soyuz-pisatelei.ru

Интернет-магазин: www.planeta-knig.ru

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателей запрещается

© Агафонова Л. Е., 2017

© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2017

ISBN: 978-5-00073-607-4

«Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик» – эти слова из детского стихотворения всегда вызывали раздражение, недовольство и даже злость у маленькой Танюшки.

– Мам, ну чего она плачет? Глупая, что ли? Мячик всегда можно достать!

– А вдруг она плавать не умеет, – улыбалась мама.

– Так пусть учится! А пока надо попросить кого-нибудь, кто уже научился, – хмурилась девочка.

Таня Орлова старалась никогда не плакать, особенно по таким пустякам, как потерянная игрушка. Даже в детстве, падая и разбивая в кровь коленки, она морщилась, кривилась, закусывала губки, но не проливала ни одной слезинки. Её мама, Ирина, сказала как-то, когда дочке было лет восемь:

– Никому не интересно, почему ты плачешь, Танюша. Ну, кроме самых близких. Люди видят лишь оболочку – слёзы, а того, что у тебя внутри, – никто не знает. И не нужно, чтобы знали. Злые могут воспользоваться твоей слабостью, а добрые пожалеют и поймут без слёз. Если можешь сдержать их, Танечка, сдержи! А не можешь – плачь дома, без свидетелей. Маме, папе, самым близким людям...

Малышка тогда крепко задумалась над мамиными словами, не совсем понимая, зачем же плакать, когда никто не видит? «Ведь никто не пожалеет, не утешит, – думала девочка. – А значит, легче не станет. Тогда уж лучше совсем не плакать!» – твёрдо решила она.

Маму Танюша тоже никогда не видела плачущей. Грустной, огорчённой, задумчивой, расстроенной – бывало, а вот

в слезах – ни разу. Только иногда в памяти всплывали смутные, но от этого не менее страшные воспоминания: мама рыдает, сотрясаясь в конвульсиях, бьётся головой о стенку и воет, как собака; а папа, обычно такой сильный и спокойный, стоит в слезах перед ней на коленях и приговаривает:

– Ирочка, что же теперь делать?.. Как мы будем с этим жить?.. Наши мальчики... их не вернуть. Как жить, Ирочка?..

Потом Танюшку уводит бабушка Тая, и больше девочка ничего не может вспомнить, как ни старается.

В тот год, когда Таня пошла в первый класс, она случайно наткнулась на спрятанный семейный альбом. Он лежал не там, где Орловы держали многочисленные фотографии, а был спрятан под какими-то папками с исписанными папиной рукой бумагами. Листая странички, девочка увидела множество фотографий, на которых были запечатлены мама, папа, Таня, её старший брат Вадим и ещё какие-то близнецы, чуть постарше самой Тани. Мальчишки были очень весёлые, вихрастые, со шkodливыми мордашками и чем-то похожие на Танечку. Естественно, малышка бросилась с вопросами к родителям. Их лица в один миг посерели.

– Когда-то это должно было случиться, Ириша... – тяжело сказал папа.

– Значит, пришло время, Серёжа... Танюша должна знать про наших мальчиков.

– Да что это за «мальчики» такие? Куда они делись? И почему на меня так похожи? – не терпелось узнать Тане.

– Это твои родные братики – Ванечка и Коленька, – шумно вздохнув, произнесла мама. – Они умерли, когда тебе было два года, а им... им было по пять лет.

– «Умерли»?! – Таня попяtilась. – Маленькие ведь не умирают, только старенькие, мне бабушка рассказывала...

– Так случилось, доченька, – очнувшись, с трудом проговорил папа, будто выдавливая из себя слова. – Они отра-

вились ядовитыми грибами, съели их и умерли. Врачи не смогли им помочь.

– Пап, но мы же никогда не едим грибы, ты что, забыл?.. Ни дома, ни в гостях. Вы же мне всегда твердили, что их есть нельзя. А мама даже один раз меня по руке сильно шлёпнула, когда я в гостях грибок вилкой подцепила, – с обидой вспомнила Таня. – Почему же мои братики их съели? Почему вы им разрешили? – она почти кричала.

– Доченька, мы тогда сами не знали, что они опасные. У нас же грибная местность. По осени все идут в лес, собирают, сушат, маринуют, жарят грибы – да что только с ними ни делают, – глядя перед собой сухими глазами и раскачиваясь на стуле, продолжила говорить мама. – Мы были на дне рождения у друзей. Все ели одно и то же, но взрослые пили водку, вино и выжили после отравления, а Ванечка и Коленька... нет. Вот так, доченька... Мы очень любили близняшек, так же как тебя и Вадика. А они очень любили свою сестричку, нянчились с тобой, тетёшкались, обнимали и нацеловывали. После того как тебя принесли из роддома, Ванечка вообще заявил, что ты его кукла и он тебя никому не отдаст. А Колюшка тогда ещё очень на брата обиделся и сказал, что всеми игрушками нужно делиться, помнишь, Серёжа? – в голосе Ирины зазвенели слёзы.

– Конечно помню. Мы их долго мирили, объясняли, что Танечка не игрушка, она не делится, что они оба будут с ней играть, когда сестрёнка подрастёт. А они каждый день с нетерпением спрашивали: «Ну что, подросла? Уже можно?»

– Я их совсем не помню... – потрясённо прошептала Таня.

Мама обняла дочку, папа подошёл и сгрёб обеих в охапку. Так они и стояли втроем молча, каждый думая о своём. После тяжёлого разговора-признания папа с мамой отвели Таню на кладбище, где были похоронены братики. Вадим,

конечно же, знал об их смерти: он был старше Танечки на десять лет и помнил весь ужас потери. С тех пор Таня регулярно просила маму или папу сходить с ней к братикам, собирала им полевые ромашки и рассказывала про свою жизнь. Позже, став взрослой, она никогда не забывала об их общих дне рождения и дне смерти, а когда стала ходить в церковь, поминала и ставила свечи за упокой.

* * *

Несмотря на семейную трагедию, Орловы жили весело, дружно, любили выбраться в лес, зимой катались на лыжах, летом пересаживались на велосипед. Танюшка всегда была пухленькой, и ей приходилось тяжелее всего: мама, папа и Вадим были стройные, а девочка, несмотря на все старания, оставалась упитанной и толстощёкой. Но упорно крутила педали и бегала на лыжах, стараясь не отставать от родных. Упорства ей было не занимать с раннего детства. Она была из тех, кто, падая, поднимается и идёт дальше, несмотря на боль. У Орловых вообще не принято было жаловаться.

– Взялись за что-то, доводите до конца, как бы трудно не было, – говорил детям папа. – Если сложно, не нойте и не ищите виноватых.

– Никто не должен за вас что-то делать. Ценнее то, чего вы добьётесь сами, а не то, что вам поднесут на блюдечке с голубой каёмочкой, – поддерживала мама.

– Что это за «блюдечко» такое голубое? – недоумевала малышка и даже искала похожую тарелку на кухне. Когда она всё-таки задала маме интересующий её вопрос, та долго смеялась, а потом объяснила, что это фразеологизм и посуда здесь ни при чём.

Танюшка обожала старшего брата и со многими вопросами бежала не к родителям, а к нему. Вадим терпеливо отве-

чал на все, даже самые смешные и заковыристые, вопросы младшей сестрёнки.

– А почему земля чёрная? А почему трава зелёная? А почему коты мяукают?

Таня засыпала Вадима своими «почемучками» и от нетерпения подпрыгивала на одной ножке. Юноша обстоятельно, как отец, старался удовлетворить её любопытство; он никогда не отмахивался от неё, не старался сбежать, как это часто бывает со старшими братьями, которым навязывают «мелкоту». Нередко Вадим брал сестрёнку с собой на футбол, сажал её в уголочке, пока ребята гоняли мячик, а потом поил вкуснейшим квасом. Позже, во взрослой жизни, Таня больше никогда не пробовала такого вкусного напитка!

Девочке очень хотелось стать умной, как Вадик – её образец для подражания. Он учился легко, не напрягаясь и не засиживаясь за уроками. Когда сестрёнка пошла в первый класс, брат уже оканчивал школу. Он встречал Танюшу после уроков, кормил, помогал делать домашнее задание. Родители работали в соседнем городке химиками-технологами на химическом предприятии: в их посёлке Ручейки Новгородской области сложно было устроиться по специальности и вообще найти работу. Так что весь первый класс Вадик опекал Таню и был для неё примером.

После одиннадцатого класса Вадим поступил на энергомашиностроительный факультет Ленинградского политехнического института и уехал из дома. Бабушка, мать Сергея, не могла заниматься внучкой целый день, и встал вопрос о том, с кем оставлять девочку. Мама бросила любимую работу и устроилась воспитательницей в ясельки, чтобы быть поближе к дочке. Уже потом, года через три, освободилось место учителя химии в школе, и Ирина, окончив годичные курсы по переподготовке, пошла преподавать любимый предмет.

Танина мама приехала в Ручейки за мужем. Сергей был родом из этих мест, его родители прожили здесь всю жизнь. Отца парализовало после инсульта, случившегося вслед за гибелью внуков. Дед Миша так и не оправился от потери и жил только благодаря заботам жены Таисии, Таниной бабушки, которая ходила за ним как за младенцем. Танюшка всегда поражалась бабушкиному оптимизму, который та не растеряла, несмотря на выпавшие на её долю невзгоды.

– Бабуля, ты что, никогда не грустишь? – иногда спрашивала Танечка.

– Чего грустить, ласточка? Дед при мне. Хоть и лежит, но говорить-то может. Папка твой тоже здесь, в Ручейках, невестушка моя золотая заботится о нём и нас не забывает. Вас, внуков, часто вижу. Вадюшу, конечно, теперь не каждый день, но он нам письма ласковые пишет – не отмахивается от стариков, всё подробно про свою учёбу рассказывает. Мы с дедом их по несколько раз перечитываем. Чего ж мне Бога гневить своим плохим настроением?

Танюшка росла жизнерадостной, активной и любознательной девочкой. Всё ей было интересно: она играла на гитаре, занималась шахматами, сочиняла юмористические рассказы. Объективно оценивая собственную фигуру, Танечка не втискивала себя в узкие джинсы и короткие юбки, не казалась смешной из-за попыток спрятать складки на талии. Она с иронией относилась к своей полноте, перепробовала кучу диет, но классе в седьмом поняла, что никогда не влезет в сорок шестой размер одежды, и успокоилась на этот счёт. Во многом благодаря отцу Таня приняла себя такой, какая есть, и не рыдала в подушку оттого, что не соответствует принятым стандартам красоты.

– Танюша, красота ведь не только в теле, она внутри, – терпеливо объяснял ей папа. – Любят не за тонкую талию и стройные ножки, любят не за что-то, а просто так.

– Ну, пап, ты ж, когда на маме женился, она как тростинка была, я же фотки видела! Да и сейчас она у нас красавица. Со спины девчонка совсем!

– Дочь, поверь, не в фигуре дело. Я, как мамины глаза увидел, так и пропал. И уже двадцать лет не могу от них оторваться. А у тебя её глазки, такие же лучистые. В них так же кто-то утонет.

– Кто пропал – это ещё вопрос, – со смехом вступала в разговор мама. – Это я как привязанная уехала из Москвы в эту глухомань. И застряла на двадцать лет.

– Ты же любишь наш посёлок, – подкалывал жену Сергей, – и, кажется, больше меня. Кто не захотел уезжать, когда нас приглашали в город?

– Ладно, ладно, сдаюсь, прикипела я к Ручейкам.

– Вот и чудненько! – Папа обнял своих девчонок, слегка щёлкнул Танюшку по носу и побежал по своим делам.

Успокоившись после этого разговора, Таня мечтала, что кто-то, такой же умный, красивый и сильный, как отец, встретится на её пути и она уедет за ним хоть на край света... А когда любимый брат привёз девушку, чтобы познакомиться с родными, Танюшка и вовсе воспряла духом. Наташа оказалась очень похожей на Таню – такая же пухленькая, невысокая и бойкая. Папа, смеясь, сказал при встрече:

– Вадим обожает сестрёнку, вот и нашёл себе девушку, которая бы напоминала о Танюшке.

Наташа отлично вписалась в дружное семейство Орловых: шепталась о чём-то с Ириной на кухне, покорила Сергея игрой в шахматы, а Тане, несмотря на разницу в возрасте, стала хорошей подружкой. Городская девчонка, ни капли не смущаясь, ходила по двору в калошах, кормила кур у ба-

бушки Таи и не морщила брезгливо носик при виде уличного туалета.

Вадим с Наташей поженились, когда он оканчивал институт, а девушка ещё училась на третьем курсе педагогического. Ей пришлось переводиться на заочное отделение и ехать с мужем к месту его распределения в Барнаул, на Барнаульский энергомашиностроительный завод. Жена Вадима была в положении и через несколько месяцев родила девочку, которую счастливые супруги назвали Олесей.

Танюшка очень переживала, что не может нянчиться с племянницей, и брат клятвенно заверял её, что на целое лето отправит жену с ребёнком к родителям, тогда уж сестрёнка порадуется. Девочка с нетерпением ждала лета, зачёркивая дни в настенном календаре и таким образом приближая встречу с племяшкой.

Училась Таня хорошо: пусть звёзд с неба не хватала, но брала усидчивостью и упорством. Точные науки давались ей легко, а вот языки и другие гуманитарные предметы шли со скрипом.

– Танюша у нас с врождённой безграмотностью родилась, – шутила по этому поводу Ирина, проверяя сочинения дочери. – В слове «винегрет» умудряется по три ошибки сделать!

– Зато задачки по физике и математике щёлкает как орешки, – вступался за свою любимицу Сергей.

При всей своей нелюбви к русскому языку Таня писала небольшие рассказы, описывая всё, что происходило вокруг. Поначалу она стеснялась и прятала своё творчество от родных, но однажды открыла свой секрет любимому папе, робко ожидая его мнения по поводу рассказа о соседской собаке.

– Молодец, дочка, – одобрил он. – Ты умеешь подмечать то, мимо чего пройдут другие. Ещё бы правописание тебе подтянуть, чтобы ошибок поменьше было... Пиши дальше, умница моя маленькая!

* * *

Когда Таня оканчивала восьмой класс, умер дедушка Миша: просто тихо ушёл во сне, не мучаясь и не страдая. Бабушка Тая как-то сразу растерялась, стала прибалывать, но ни на что не жаловалась, не желая нагружать сына и внуков своими проблемами. Танюшка старалась забегать к ней почаще, готовила обед, поскольку бабуля после смерти мужа совсем перестала готовить и, если б не внучка, питалась бы всухомятку. Танечка старалась её растормошить: то просила носки связать, то вспомнить какой-нибудь сложный рецепт и вместе приготовить торт или пироги из слоёного теста. Бабушка вставала, помогала внученьке и снова ложилась. Из неё как будто ушли все жизненные соки. Не прошло и года, как она так же тихо, как дед, ушла во сне.

– Она просто не захотела жить без папы, – сказал на похоронах сын Сергей. – Не мыслила жизни без него, жила за мужем и ушла за мужем.

Таня очень тяжело переживала смерть близких. Вместе с их уходом она повзрослела, почувствовав, как трудно приходится папе. Хоть Сергей и не показывал эмоции на людях, девочка старалась проводить с ним как можно больше свободного времени.

– Добрая ты, дочка, хорошая... Тяжело тебе будет в жизни с таким характером, больно. Жалеешь ты всех и в душу пу-скаешь, – сказал как-то отец.

– Папка, ну ты же учил, что людям нужно помогать, чувствовать их! Ты сам всем помогаешь: кто ни попросит, готов ночью вскочить и бежать. У нас в посёлке только ленивый ещё не обратился к тебе за чём-нибудь. И вообще, я только своим душу открываю.

– Да вижу я, Танюш, что ты готова всех пригреть и осчастливить. Надо уметь закрываться, тогда убережёшь своё сердечко.

– А ты умеешь?

– Я так и не научился, к сожалению... И не научусь уже. А у тебя всё ещё впереди, – обнял он свою любимцу. – Надеюсь, получится.

Таня действительно всегда была открыта. Она умела дружить, охотно участвовала во всех внеклассных мероприятиях, была легка на подъём и любила розыгрыши. Ещё с младших классов сложилась компания близких подружек: Таня Орлова, Света Евсеева и Марина Ситненко. «Обычно девочки сбиваются в пары и делятся тайнами, а эти вечно втроем и не ругаются», – удивлялись знакомые.

Даже внешне подруги были абсолютно разные: высокая красивая Света, с тонкой талией и шикарными светлыми волосами; маленькая, с мальчишеской фигуркой и короткой стрижкой Марина и пухленькая рыжеволосая Таня. Лидером тройки все школьные годы оставалась Светка, она строила планы и придумывала шалости, но всегда с оглядкой на то, чтобы не влетело от взрослых. Светин папа работал, как она выражалась, какой-то «шишкой» в Великом Новгороде. Он уезжал на служебной машине рано утром и приезжал затемно. Воспитанием единственной дочери занималась мама, тихая женщина, беспрекословно слушающая мужа. Отец Светки был крут на расправу, требовал от дочери хороших отметок в школе и отчитывал за малейшую провинность. Света знала, что его лучше не злить, при нём она была пай-девочкой, а мать ни в грош ни ставила, отмахиваясь от её замечаний как от назойливой мухи. Так что всё мамино воспитание сводилось к тому, чтобы строптивая дочка поела и вовремя пришла домой.

Марина примкнула к девочкам в четвёртом классе. Её оставили на второй год и посадили за одну парту с Таней для исправления. Воспитывала внучку бабушка, отца девоч-

ка не помнила, а мать лишили родительских прав. Старушка с трудом справлялась с неугомонным ребёнком, но отдавать в детский дом категорически отказывалась.

– Успеет ещё настрадаться! – ворчала она, когда приходила комиссия. – Ей и так от дочки моей непутёвой досталось. Вот помру, тогда и забирайте. А пока прокормлю и в обиду не дам.

Кстати, именно Танин отец помог Марининой бабушке добиться опеки над внучкой. Он сам ездил по инстанциям, писал письма, собирал подписи, и в итоге девочку оставили дома.

Марина к четвёртому классу уже покуривала, пробовала алкоголь и материлась как грузчик. Она походила на ёжика с огромными колючками, которые даже не прятала. Таня, привыкшая всегда и всем помогать, взяла шефство над подружкой: она стала приглашать её в гости, оставлять на ужин, уговорила вместе готовиться к урокам. Сергей и Ирина, будто бы не замечая Марининых «колючек», разговаривали при ней обо всём, не акцентируя внимание на словарном запасе и манерах девочки. И постепенно Марина перестала зажиматься, ожидая подвоха. Глядя на Таню, она научилась пользоваться ножом, стала реже употреблять нецензурную лексику. Под чутким руководством Ирины девочки учились шить, осваивая простенькие юбочки и блузки. К праздникам Ирина и Сергей дарили Маришке милые подарки, покупали билеты в кино и ни разу не упрекнули Таню, что она тащит в дом своих подружек. Света появлялась у них реже: строгий отец требовал от дочери отчёта в действиях и не приветствовал бесцельного «шатания по гостям». Но и это не мешало девчонкам дружить. Таня была душой компании: мирила, если была необходимость, сглаживала острые углы и останавливала подружек от необдуманных поступков.

В девятом классе к их компании примкнул Вовка Серёгин, влюбившийся в Светку. Он по пятам ходил за девочкой, смотрел в рот и исполнял любые прихоти. Светлана принимала его любовь с видом королевы, позволяя Вовке находиться рядом и мучая его своими капризами. Марина, в основном благодаря Тане, дотянула до окончания девятого класса и поступила в кулинарное училище. Её мечтой было накормить наконец свою бабулю вкусной едой. Летом, перед отъездом на учёбу, она забежала в гости к Орловым.

– Мне тебя будет очень не хватать! – обняв подругу, сказала Таня. – Я знаю, Мариш, что тебе нужно было быстрее поступать, но всё равно жалко, что уезжаешь...

– Тань, ты же понимаешь, моя бабуля никогда досыта не ела. Сначала война, потом послевоенный голод. Их в семье шестеро было, она старшая. Питались скудно и редко. За муж она рано вышла, а муж на рыбалке сгинул. Двоих детей подняла в одиночку. Дядька мой по пьянке под машину попал, а о моей матери ты и сама всё знаешь. Где она шляется, одному чёрту ведомо. А бабуля моя замечательная меня всё кормит, хотя и старенькая совсем. Вот я и хочу поскорее начать работать, да чтобы к еде поближе. Пусть бабуля гордится мной, что я человеком стала.

– Мариш, бабушка тобой уже гордится. Ты же ей по дому и в огороде ничего делать не даёшь, всё у вас аккуратно, чисто. Главное, почаще приезжай, на каникулы и на праздники.

– Да куда я от вас денусь! Ты, Танюха, мне как сестра: родных-то нет, а с тобой я душой отогреваюсь. И родителям твоим по гроб благодарна буду, что не выкинули на улицу, как паршивого котёнка. Я ведь такая и была, когда в первый раз к вам в дом пришла...

Девчонки обнялись, поплакали немного, и Марина уехала в новую жизнь, пообещав звонить и приезжать почаще.

Десятый класс пролетел незаметно. Таня всерьёз увлеклась журналистикой. Перечитала свои первые детские рассказы, посмеялась и стала писать статьи для местной газеты, подумывая о том, чтобы поступить на факультет журналистики, хотя и проверяла до сих пор свои тексты по орфографическому словарю, не надеясь на знание правил русского языка. Слог у неё оказался сочным, фразы точными и ёмкими, она неплохо разбиралась в политике и экономике, что позволяло создавать серьёзные очерки.

Купить книгу